

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

**«ОПЕРЕЖАЛ СВОЁ ВРЕМЯ»:
ФИЛОЛОГ-СЛАВИСТ Н.А. КОНДРАШОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.Н. ТАТИЩЕВА**

В статье дается аналитический обзор книги о В.Н. Татищеве известного слависта профессора Н.А. Кондрашова. Разбираются и комментируются основные положения этой работы. Отмечается, что она впервые для читателя раскрыла личность знаменитого историка как оригинального языковеда и педагога, стремившегося проникнуть в сложные проблемы общего языкознания, этимологии, лингвистического источниковедения, лексикологии и лексикографии. Обращается внимание на то, что филологические взгляды В.Н. Татищева важны для оценки развития отечественной науки в XVIII веке и должны быть включены в научные и учебные обзоры по дисциплинам «Введение в языкознание», «История русского литературного языка», «История лингвистических учений».

В.Н. Татищев, Н.А. Кондрашов, история языкознания, филология XVIII века, теория языка, лингвистическая терминология, лексикография, историография, лингвистическое источниковедение.

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения слависта старой мифлийской школы профессора Николая Андреевича Кондрашова (1919–1995) – ученого с нелегкой судьбой, вплетенной в самые острые противоречия эпохи XX века. Его интересы лежали главным образом в области истории славяноведения и особенно словакистики [4; 6; 18]. Немало трудов он посвятил разработке проблем становления и развития мировых лингвистических учений [7; 8; 9], заново для наших читателей открывал забытые и отверженные советской идеологией имена выдающихся историков и языковедов [10; 3; 5] и создавал свою энциклопедию славянской филологии. Кроме того, ученый плодотворно трудился на ниве исторической грамматики и лексикологии русского языка [2; 11]. Если бы возможно было сейчас собрать вместе труды профессора Н.А. Кондрашова по истории лингвистической мысли XVIII–XX вв., то получилась бы без преувеличения объемная книга биографий и открытий в мире славистики – все то, чем гордится ныне отечественная наука и чьими достижениями она до сих пор живет и пользуется.

Достаточно отметить, что Н.А. Кондрашов еще в 1950-х гг. стал практиковать после долгого перерыва очерковый жанр историко-филологических монографий [3; 5], которые были так популярны у нас до начала XX века и привнесли в копилку научной методологии особую интонацию доверительности, вхождения в мир идей и мыслей, чувств и переживаний, конфликтов и озарений многих талантливых писателей, поэтов, ученых. Понять их человеческие судьбы можно было только с помощью такого «инструмента»: описывать летопись жизни сквозь призму исторических событий эпохи, выделять и группировать самое ценное и не отказываться от дискуссий и спорных моментов. Так поступали в свое время Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, Я.К. Грот, А.А. Шахматов и другие филологи-просветители, понимавшие высокое

учительное начало такой деятельности. В XIX веке, по сути дела, и родился жанр «жизни замечательных людей». Его продолжателем в XX столетии стал профессор Н.А. Кондрашов. Он был признанным мастером искусства «отечествоведения» и создал яркие, живые, интересные портреты своих современников, учителей и прародителей – тех, кто стоял у самого начала строительства новой науки – славистики.

Потому закономерен интерес Н.А. Кондрашова к XVIII веку, который для русской науки являлся ключевым. В это время формировалась *национальная* традиция гуманитарной мысли, осваивались неизвестные источники, изучались и систематизировались языковые факты, открывались новые имена. XVIII столетие – эпоха открытий, даровитых ученых-энциклопедистов, способных решать любые сложные задачи во благо Отечества.

Нельзя сказать, что фигура В.Н. Татищева была забыта отечественной наукой. Но его знали и почитали прежде всего как *первого* историографа, государственного деятеля из плеяды «птенцов гнезда Петрова». О лингвистических взглядах В.Н. Татищева было почти ничего неизвестно. Дело в том, что филологию XVIII столетия вообще плохо знали и изучали только самые важные факты: дискуссии Ломоносова и Тредиаковского, сатиры Сумарокова, историю создания «Словаря Академии Российской». Только энциклопедист профессор С.К. Булич открыл научной публике богатство идей и находок того времени, когда опубликовал объемную монографию по истории русского языкознания [1], посвятив XVIII веку несколько разделов, и фактически впервые показал лингвистическую жизнь изнутри: обнародовал архивные материалы, ввел в научный оборот редкие публикации, назвал имена канувших в Лету филологов.

Можно сказать, что Н.А. Кондрашов продолжал заветы С.К. Булича и рассказал много полезной для

исследователей информации о состоянии языкознания и его приоритетах в эпоху смут и потрясений. Мы едва ли можем говорить применительно к XVIII столетию о научных школах или направлениях в изучении языка. Тогда, за исключением только таких вершин, как Адодуров, Ломоносов, Тредиаковский, Барсов и еще нескольких имен, не было систематически образованных филологов, хотя в лингвистическое переустройство активно включались именитые путешественники, деятели культуры вроде княгини Дашковой, академик Озерецковского и Крашенинникова. Филология для многих из них носила спонтанный характер и оживала только в больших совместных проектах, как, например, «Словарь Академии Российской».

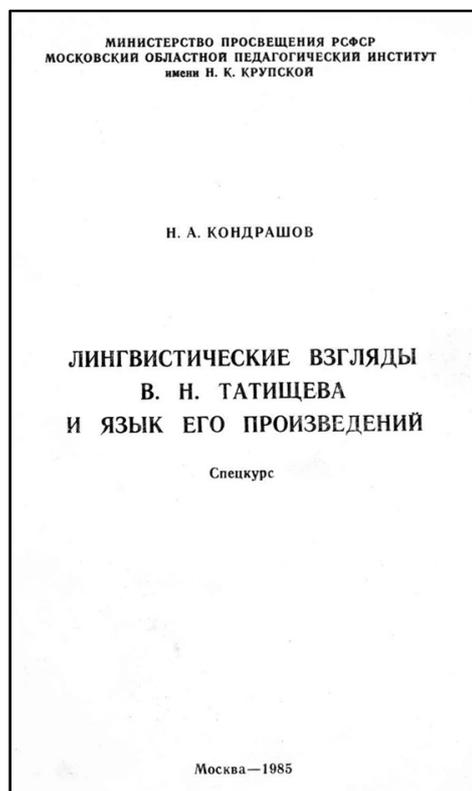
Судьба сочинений талантливых ученых тоже была неодинаковой. Так, Адодурова, предшественника Ломоносова на ниве лингвистических учений, практически забыли вплоть до второй половины XX века, когда была опубликована его «Грамматика» и оценена роль в развитии этой традиции (см.: [16]). В тени могучей фигуры Ломоносова оставались оригинальный лексикограф Кондратович, десятки имен филологов, писателей и поэтов, историков и дипломатов, государственных деятелей, работы которых не получили широкого общественного призвания, были забыты с течением времени (см.: [14]).

Осознание потребности изучения XVII–XVIII столетий в смысле «памятниковедения» пришло намного позднее (ср.: [13; 14; 15]), тогда как именно В.Н. Татищев в период становления этой отрасли науки первым показал прежде всего *лингвистическую* ценность источниковедения [17]. Но его имя в русской филологии всего XIX века и большей части XX практически не звучало. Справедливости ради стоит сказать, что исторические сочинения и даже письма В.Н. Татищева издавались [22; 23; 24], вышло собрание пословиц и поговорок [19], и лишь в 1981 году в серии «Жизнь замечательных людей» была опубликована книга об этом ученом [12]. А исключительное по ценности в том числе филологических наблюдений философское сочинение «О пользе наук и училищ» (даются разные варианты заголовков), впервые опубликованное только в 1887 г. [21], так и остается до сих пор неизвестно широкой читательской аудитории.

Н.А. Кондрашов посвятил разбору языковедческих идей этого ученого спецкурс «Лингвистические взгляды В.Н. Татищева и язык его произведений» [10], читанный на факультете русского языка и литературы МОПИ имени Н.К. Крупской, очевидно, в 1980-х гг. На фоне традиционной проблематики педагогического вуза он выглядел оригинально и не был похож на учебные стандарты. Спецкурс погружал студентов совсем в иную атмосферу филологического «быта» доломоносовского периода в летописи отечественного языкознания, которая была практически неизвестна даже специалистам – историкам русского литературного языка. Тем самым автор стремился заполнить определенную лакуну в научных исследованиях (Там же, с. 3) и высветить еще одно яркое имя на культурно-историческом небосклоне зарождавшейся науки в России.

Первые разделы книги освещали биографические данные и главные достижения В.Н. Татищева. Уже в

начальных страницах книги автор так говорит об ученом: «...история нашей страны была одной пламенной страстью этого человека, причем филологические и лингвистические интересы занимали в ней важнейшее место. Другой характерной и постоянной особенностью его деятельности была забота о подъеме просвещения народов нашей страны в самых разнообразных проявлениях» [10, с. 4].

Обложка книги Н.А. Кондрашова

Особое внимание в этой части уделялось оригинальному сочинению В.Н. Татищева, по сути дела, его духовному завещанию сыну – «Разговору двух приятелей». Эта во многом философская книга раскрыла ученого как глубокого мыслителя, педагога-практика, творца. Н.А. Кондрашов особо выделил его слова: «Наука главная есть, чтоб человек мог себя познать» (Там же, с. 7). Примечательно, что в «Разговоре» В.Н. Татищев немало места посвятил лингвистическому образованию. Он обсуждал такие важные вопросы: грамота, история славянской письменности, происхождение и развитие языков и др. Поразительна осведомленность В.Н. Татищева в знании других алфавитов и культур, особенно древних цивилизаций (см. подробнее: [17]). Интересная классификация наук, приведенная В.Н. Татищевым (полезные, щегольские, любопытные, или тщетные), позволила ему выделить в числе первых и лингвистику, значит, заключал Н.А. Кондрашов, «изучению языков и письменности он придавал особое значение как одному из важных условий развития человеческого общества и распространения знаний и просвещения» [10, с. 9].

Кроме этого филологического, просветительского пафоса, Н.А. Кондрашов отмечал и другую особенность книги: «проблема личной свободы (вольности)

человека», которую иллюстрировал следующими словами этого государственного мужа: «Кто воли лишаем, тот купно всех благополучей (так в тексте. – *О. Н.*) лишается или приобрести и сохранить не благонадежен, ибо кто в какой-либо неволе состоит, тот не может уже по своему хотению покоиться, веселиться, чести, имения снискивать и оные содержать, но все остается в воли того, кто над его волею владычествует» [10].

В.Н. Татищев

И другие интересные факты творческих исканий В.Н. Татищева приводил в этой части Н.А. Кондрашов, описывая в общем-то нелегкую, подчас трагическую судьбу русского самородка.

Автор книги, кажется, впервые в отечественном языкознании так пристально всматривался в «Историю Российскую» В.Н. Татищева с лингвистической точки зрения, посвятив ей довольно большой фрагмент спецкурса. Н.А. Кондрашов, в частности, показал, что знаменитый ученый имел ясное представление об этнических группах, населявших Россию, внимательно изучал памятники письменности, извлекая из них достоверные сведения. А другие подвергал критике (Там же, с. 15). Для исследователя В.Н. Татищева XX века эта фигура вышла далеко за порядок обычных историков. Перед нами живой пример энциклопедически образованного человека, не ограничивавшего себя представлением только исторических данных. Н.А. Кондрашов обоснованно писал: «Так, разбирая названия днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным, Татищев отмечает, что “имена порогов русские и славянские изрядно император различил, ибо тогда русский язык был сущий сарматский, нимало славенскому и нынешнему нашему подобен”» (Там же, с. 17).

Говоря об общелингвистических взглядах В.Н. Татищева, Н.А. Кондрашов отмечал, что отдельные идеи были реализованы впоследствии в языковедческой деятельности Ломоносова и Тредиаковского: «Отметим прежде всего 1) борьбу за самобытность русского литературного языка; 2) стремление размежевать сферы употребления церковнославянского и собственно русского языков; 3) постановка проблем упорядочения русского литературного языка на различных

уровнях: а) предложения Татищева по реформе русской орфографии; б) его борьба с мертвыми и обветшалыми грамматическими категориями; в) его лексикографические разыскания; 4) суждения о взаимодействии литературного языка и русской разговорной речи; 5) анализ условий и факторов заимствования иноязычных лексических элементов и рационалистический подход к их оценке в системе русского литературного языка; 6) глубокий интерес к истории русского языка, нашедший отражение в обогащении источниковедческой базы, анализе языка ряда древнерусских памятников и этимологических разысканий в области древнерусских реалий» [10, с. 21–22].

В.Н. Татищев в своих языковедческих взглядах выступал и как педагог-новатор, особенно когда говорил о необходимости изучать иностранные языки. Кстати, он владел польским, немецким, французским, шведским и классическими языками (Там же, с. 23). Вот что по этому поводу писал Н.А. Кондрашов: «Кроме указанных научных соображений, Татищев в духе петровских реформ видел в изучении иностранных языков и сугубо практическое значение, так как на западноевропейских языках представлена важнейшая научная литература. Общественно-политическое значение овладения иностранными языками не раз подчеркивалось Татищевым: “еже всякому шляхтичу надобно думать какой-либо знатный чин достать и потом или самому для услуги государственной в чужие края ехать, или в России иметь с иноязычными обхождение. И тако ему необходимо нужно другой европейский язык знать”» (Там же).

При произнесении имени В.Н. Татищева у Н.А. Кондрашова часто звучало слово «первый». Можно согласиться с такой оценкой деятельности историка и филолога, по сути, решавшего самые главные проблемы лингвистической науки, при этом основываясь почти всегда только на собственном опыте, на своих знаниях и предположениях: «В.Н. Татищев был первым русским ученым, обосновавшим тезис о связи истории языка с историей говорящего на этом языке народа, он первым указал на языки как памятники истории народов. По мнению ученого, вопросы исторического развития и происхождения народов лучше всего решать, опираясь на языковые данные: “что оной издатель о происшествии народов тщился, доказывать языками, оное есть между всем наилучший способ, а особливо в случае недостатка дееписаний”» (Там же).

Показательно, какие группы родственных языков выделил В.Н. Татищев. Он предлагал первую в истории отечественного языкознания классификацию предкомпаративистского характера, куда включил «народы сарматского языка», «народы татарского и калмыцкого языков» (скифы), народы «странноязычные» (имелись в виду языки этносов Крайнего Севера), «народы славянского языка» (Там же, с. 27).

Кроме этого, В.Н. Татищев, и Н.А. Кондрашов обратил на данную деталь особенное внимание, осуществил подробное деление славян на четыре группы:

«1. Восточные славяне, занимающие территории от левого берега Днепра до Каспийского моря и Кавказских гор;

2. Западные славяне – от правого берега Днепра до Эльбы: поляне, “которые от поль именованы”,

древляне, моравы, силезы, богемы или чехи, кашубы и померане, полабы, веныды или веныты, поляки (ляхи);

3. Северные славяне, занимающие территорию Великой Руси (Новгородская, Поморская, Псковская и Белозерская губернии);

4. Южные славяне – от Днестра до Средиземного моря» [10, с. 27–28].

Интересной методикой этимологического анализа и сравнения слов придерживался В.Н. Татищев (при этом, надо заметить, что многие его толкования, особенно исторических реалий, предметов юридического быта, оказались весьма корректными и точными с языковедческой стороны). Н.А. Кондрашов иллюстрировал это на таком примере названия р. Темеринда, получившей объяснение в древних источниках как «мать Понта»: «Опираясь на языковые факты, Татищев полагает, что это слово принадлежит неизвестному языку и должно толковаться иначе: “Какого бы языка сие было, не знаю, во-первых, ни славянское, ни греческое, у сармат финов мать – аити, у чуваш, а ныне черемис – атей, мордвы – татей, вогулич – анати; татарское, а не чегодайское и загатайское – чичай, или шишай; калмыцкое – оеки, мунгальское – аехе. Следственно, ни единое не подходит и потому нужно быть иного неизвестного мне языка”» (Там же, с. 29).

Содержательны проанализированные Н.А. Кондрашовым орфографические идеи В.Н. Татищева, которые наш славист соотносил с общелингвистической ситуацией в XVIII столетии: «Ввести в русский алфавит некоторые буквы: а) букву *h*, которая соответствовала бы латинской и без которой “мы не токмо иноязычных слов, но и собственных многих правильно по изречению написать не можем, яко латинское *g* и *h* великую разницу во изглашении и разуме слов имеют, но мы обе сии *Г* или *Н* выпускаем. В русском же речении *Г* иногда выговаривается твердо, иногда легко” <...>. М.В. Ломоносов в “Российской грамматике” соглашался с Татищевым, когда писал: “Некоторых букв нет в российском языке по его отменам, как латинского *h*, италийского *d*, которые мы употребляем в речениях благо, господь, трожды” <...>; б) Татищев предлагал использовать букву *г* для передачи взрывного, а перевернутую – для передачи соответствующего фрикативного согласного. Об этом сообщает В.К. Третьяков: “Некто из искусных людей, которого я к себе благосклонностью почитаю, вымышляет сей букве две фигуры, а именно сию *Г* и сию *L*” <...>; в) далее Татищев предлагал ввести букву *j* для передачи сочетания *jo*: “еж, мед, а говорим *joж*, *mjoд*” <...>. Наконец, Татищев высказал свое суждение об использовании букв *ф* и “фита”. По его справедливому мнению, эти звуки “хотя у греков разное выговариваются и разность в разуме делают, в славенском же языке оная не употребляемы, но понеже для чужестранных слов без *ф* быть нельзя, того ради оные *ф* и *Θ* могут в конце азбуки положены быть, и их разность во изречении в азбуках истолковать чтоб учителя и ученики могли разуметь”» (Там же, с. 43).

В рамках обозначенного спецкурса Н.А. Кондрашов приводил немало ценных наблюдений работы В.Н. Татищева над общелингвистической терминологией,

подчеркивал значение лексикографических трудов ученого, особенно его грандиозного «Лексикона» [20], освещал подробно этимологические штудии историка, отдельный раздел (Там же, с. 60–66) посвятил анализу языка произведений этого замечательного ученого.

Очевиден вывод, к которому в итоге пришел профессор Н.А. Кондрашов: «Татищев во всех своих начинаниях и предложениях значительно опережал свое время. Так обстояло дело с его предложениями, касавшимися социально-экономического переустройства тогдашней России, так обстояло дело с его лингвистическими инициативами. Если первые разбивались о корыстолюбивые интересы русского дворянства, то вторые сталкивались с неразвитостью русского общества. <...> Однако в области отечественного языкознания многие взгляды Татищева нуждаются в объективном освещении и оценке. В суммарном изложении ценность лингвистической концепции Татищева заключается в следующем:

1. В.Н. Татищев сущность и функции языка рассматривал, как и современная наука, в качестве важнейшего средства человеческого общения;

2. В языке и его данных он видел ключ к раскрытию исторического прошлого того или иного народа;

3. Татищев впервые обратил внимание на важность изучения языков многочисленных народов России;

4. Татищев впервые в русской науке поставил и пытался решить проблему языковой изменчивости;

5. Татищев впервые в европейской науке сформулировал положение о генетическом родстве языков (скифских, сарматских и славянских), он сформулировал положение о праязыке и создал языковую классификацию народов России;

6. Татищеву принадлежат первые по времени предложения по нормализации русского литературного языка в области графики и орфографии, лексического состава и употребления заимствованных слов;

7. Татищеву принадлежат новаторские идеи в области многоязычной лексикографии;

8. Татищев значительно расширил лингвистическую базу русской науки, ввел в научный оборот ряд неизвестных прежде памятников, провел множество плодотворных исследований по истории и этимологии русских слов;

9. Татищев с полным правом может рассматриваться как предшественник М.В. Ломоносова в области общего и русского языкознания» (Там же, с. 66–67).

Лингвистические взгляды В.Н. Татищева в освещении Н.А. Кондрашова – интересный опыт не только научного описания и анализа идей начинавшей свой путь отечественной филологии, но и их практической реализации в виде оригинального спецкурса для студентов – будущих педагогов. Н.А. Кондрашов всегда стремился находить неожиданные темы, искать необычные «сюжеты» для своих исследований. Он открывал для слушателей забытые имена первопроходцев в науке и старался личным интересом привлечь внимание думающей аудитории к проблемам истории языкознания. XVIII век в этом отношении до сих пор остается *terra incognita филологии духа* того времени.

Литература

1. Булич, С. К. Очерк истории языкознания в России. Том 1 (XIII в. – 1825 г.) / С. К. Булич. – Москва : типография М. Меркушева, 1904. – 1248 с.
2. Болонина, Э. Н. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период) : учебное пособие / Э. Н. Болонина, Н. А. Кондрашов, Л. П. Рупосова. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1990. – 95 с.
3. Кондрашов, Н. А. Осип Максимович Бодянский / Н. А. Кондрашов. – Москва : Издательство Московского университета, 1956. – 87 с.
4. Кондрашов, Н. А. Славянские языки / Н. А. Кондрашов. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 199 с.
5. Кондрашов, Н. А. Роман Фёдорович Брандт / Н. А. Кондрашов. – Москва : Издательство Московского университета, 1963. – 68 с.
6. Кондрашов, Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кондрашов Николай Андреевич. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1968. – 46 с.
7. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Часть I. История языкознания / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1972. – 173 с.
8. Кондрашов, Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Часть II. Проблемы языкознания и методы изучения языка / Н.А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1974. – 171 с.
9. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений / Н.А. Кондрашов. – Москва: Просвещение, 1979. – 224 с.
10. Кондрашов, Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1985. – 69 с.
11. Кондрашов, Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть 1. Древнерусский период / Н. А. Кондрашов. – Москва : МОПИ имени Н.К. Крупской, 1988. – 68 с.
12. Кузьмин, А. Татищев / А. Кузьмин. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 351 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 15 (620)).
13. Никитин, О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.) / О. В. Никитин. – Москва-Смоленск : СГПУ, 2001. – 129 с.
14. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Никитин Олег Викторович. – Москва : МГОУ, 2004. – 47 с.
15. Никитин, О. В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилиобразующие средства) / О. В. Никитин // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 81–89.
16. Никитин, О. В. Василий Евдокимович Адогуров (к 300-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 104–110.
17. Никитин, О. В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII в. // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 86–93.
18. Никитин, О. В. Филолог-славист Н.А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2019. – № 5. – С. 81–89.
19. Слово пуще стрелы : пословицы и поговорки русского народа, собранные В. Н. Татищевым / [составитель Н. Гашева]. – Пермь : Стиль-МГ, 2004. – 254, [1] с.
20. Татищев, В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / Сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / В. Н. Татищев. – Санкт-Петербург : Типография Горнаго училища, 1793. – Ч. 1–3.
21. Татищев, В. Н. Разговор о пользе наук и училищ / с предисловием и указателями Нила Попова / В. Н. Татищев. – Москва : Унив. типография, 1887. – XXVI. – 171 с.
22. Татищев, В. Н. Избранные труды по географии России / В. Н. Татищев. – Москва : Географгиз, 1950. – 248 с.
23. Татищев, В. Н. Избранные произведения / под общей редакцией С. Н. Валка / В. Н. Татищев. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – 464 с.
24. Татищев, В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. / В. Н. Татищев. – Москва : Наука, 1990. – 436, [3] с. – (Научное наследие; Т. 14).

O.V. Nikitin

«AHEAD OF HIS TIME»: SLAVIST-PHILOLOGIST N.A. KONDRASHOV AS A RESEARCHER OF V.N. TATISHCHEV'S LINGUISTIC HERITAGE

The article gives an analytical review of the book on V.N. Tatishchev by the famous Slavist Professor N.A. Kondrashov. The main provisions of this work are analyzed and commented on. It is noted that the book revealed the personality of the famous historian as an original linguist and teacher, who sought to penetrate into the complex problems of General linguistics, etymology, linguistic source studies, lexicology and lexicography. It draws attention to the fact that V.N. Tatishchev's philological views are important for assessing the development of Russian science in the 18th century and should be included in scientific and educational reviews on the disciplines of «Introduction to linguistics», «History of the Russian literary language», «History of linguistic teachings».

Vasily Nikitich Tatishchev, Nikolay Andreevich Kondrashov, history of linguistics, Philology of the 18th century, language theory, linguistic terminology, lexicography, historiography, linguistic source studies.